

Э. А. Орлова

Синергетические идеи в изучении социокультурной микродинамики

Аннотация: синергетический метод определяет новую по сравнению с характерной для науки периода модерна позицию в изучении формирования и динамики систем. В сочетании с идеями постмодерна он открывает широкие возможности для изучения социокультурных процессов, в том числе для использования нового математического инструментария. В статье рассматриваются методологические возможности использования синергетики при изучении социокультурной микродинамики. Выделяются сходные положения, позволяющие провести аналогии между проблемами, имеющимися в рамках обоих направлений, и путями их решений, между используемыми ключевыми понятиями. Основное внимание уделяется способам исследования процессов порождения социокультурных целостностей и переходов от одних их фазовых состояний к другим.

Ключевые слова: детерминизм, интеракция, нелинейная динамика, неопределенность, постмодерн, процесс, синергетика, социокультурная реальность, социокультурные образования, хаос.

Социальные науки с самого момента зарождения рассматривались как дополнение к естественным. Считалось, что все происходящее в пределах социокультурных целостностей можно представить в виде формальных моделей. При их описании и отчасти объяснении успешно применялись аналогии из области физических теорий. С точки зрения конструктивистской методологии это представляется вполне естественным, поскольку познавательные возможности людей антропологически универсальны. Они равно используются при рассмотрении любой предметной области, выделяемой и определяемой самими исследователями в соответствии с одними и теми же логическими приемами.

Пока в социальных науках невозможно во всей полноте использовать возможности формализации, используемые в естествознании. Однако соответствующие идеология и логика познания оказываются вполне применимыми при изучении общества и культуры и позволяют преодолеть преимущественно гуманитарное их описание.

Понятие социокультурных целостностей. В социологии и антропологии основное внимание уделяется разного рода социокультурным целостностям. С современной точки зрения они представляются как имеющие иерархические или сетевые структуры относительно автономных компонентов, между которыми сильные или слабые связи могут либо существовать, либо отсутствовать. Это подразумевает возможность различных способов организации совместной активности. В иерархических системах с сильными связями между подсистемами более простого строения исходящие от верхнего уровня сигналы управления имеют характер жестких команд, подчиняющих себе активность всех индивидуальных элементов

более низких уровней. В сложных единицах такого рода, где компоненты имеют большую степень функциональной автономности, с более высоких уровней иерархии поступают сигналы, которые определяют переходы более низких от одного режима функционирования к другому. Сетевое устройство социокультурных образований, представляющих собой ансамбль разнокачественных элементов, предполагается как результат их контактов и взаимодействий, порождающих более и менее устойчивые связи. Эти процессы принято называть самоорганизацией. Считается, что такие структурные формы (каждая при соответствующих условиях) позволяют избежать неопределенности и нежелательной динамики, которые неизбежно возникают как между компонентами целостности, так и в сложном контексте ее связей с окружением.

В настоящее время основной предметной областью исследования таких социокультурных единиц становятся изменчивость и неопределенность их состояний и связей с окружением, а также сложность как производная от их упорядочения. Следует подчеркнуть, что использование в современных социальных науках методологии, сложившейся в контексте модерна, для изучения социокультурной микродинамики не приводит к ее систематическому описанию и объяснению. Без ответа остаются вопросы о возможностях выразить в научном языке ее составляющие, формы, движущие силы, векторы и их изменения. В этом контексте особую значимость приобретает изучение порождения, движения и взаимодействия нелинейных процессов, связанных с ассоциацией и диссоциацией компонентов социокультурных целостностей. Соответствующие проблемы и направления их решения отчетливо обозначены в рамках философии постмодерна. В качестве методологии такого рода

исследований предлагается синергетика, с ключевым для нее понятием «самоорганизация».

Синергетика как методологическое направление. Термин «синергетика» (от греч. 'вместе' и 'действовать') был впервые использован в 1970-е гг. немецким физиком Г. Хакеном. Сегодня это междисциплинарное научное направление, позволяющее изучать самоорганизацию поля (при исходном допущении о непрерывности изучаемой предметной области) или элементов (при ее дискретном толковании) и образования структур открытых неравновесных систем. Взаимодействие между единицами, в результате которого они становятся компонентами образуемой ими системы, и было обозначено как самоорганизация, которая метафорически определяется как «порядок из хаоса» (И. Пригожин).

Синергетика как исследовательский инструмент зародилась в рамках естествознания, однако впоследствии ее использование распространилось в более широкий познавательный контекст, а в социальных науках она стала идеологией, ориентированной на формализацию научного познания социокультурной микродинамики. Это началось, когда в постмодернистских построениях фокус исследовательского внимания сместился от устойчивых, повторяющихся, упорядоченных характеристик социокультурной реальности к изменчивым, неповторимым и неупорядоченным и когда для их изучения понадобился эффективный метод. В этих условиях обращение к синергетическим идеям позволяет проследить становление порядка из хаоса, переходные состояния между этими концептуальными крайностями средствами динамического анализа.

Поскольку в контексте постмодерна основное внимание уделяется не системным, а неорганизованным аспектам социокультурной реальности, синергетический метод становится одним из наиболее важных при исследовании ее динамических характеристик. Он позволяет сделать более строгими понятия, с помощью которых описываются порождение и формирование сложных целостностей, а также фаз перехода от одного характерологического состояния к другому. В обоих случаях следует обращаться к тому, что принято обозначать как процессы самоорганизации.

Методологические задачи синергетики. Понятие «синергетика» используется для обозначения движения, направленного от неупорядоченного состояния синкретичной субстанции (поля) к упорядоченному (дифференциации и структурированию). Сторонники этой теоретической позиции исходят из общих допущений о свойствах потенциальных элементов, которые могут составить определенную целостность, и вероятностных характеристик взаимодействия между ними. Задача си-

нергетики и используемой в ее рамках нелинейной динамики состоит в построении соответствующих базовых математических моделей. Поскольку главным отличительным свойством изучаемых образований являются составляющие их процессы спонтанного упорядочения, синергетику можно также рассматривать как общую теорию самоорганизации в средах различной природы. Соответственно и применительно к социокультурной реальности, так как при изучении характерных для нее целостностей (в том числе систем в их строгом определении) акцентируется, что они могут образовываться и изменяться путем спонтанного порождения и становления сложных упорядоченных структур, то есть самоорганизации. Это не противоречит физическим законам термодинамики, поскольку все единицы такого рода считаются открытыми и обмениваются ресурсами (сведениями, артефактами, энергией) с окружением. В постмодернистских познавательных рамках феномен самоорганизации в философии стал основным предметом онтологических размышлений, а в социальных науках — областью поиска соответствующих методологических средств.

Концепции самоорганизации и хаоса. В связи с концептуализацией понятия самоорганизации как формирования порядка в современной науке обратились к представлениям о порождающей ее среде — хаосе (неупорядоченности, неопределенности). В ходе многочисленных исследований было обнаружено и строго обосновано, что сложное пространственно-временное поведение единиц анализа с множеством степеней свободы может быть адекватно описано как движение нелинейных систем небольшой размерности. Упорядочение трактуется как совокупность процессов их притяжения и отталкивания, в ходе которых образуется то, что становится открытой системой. Считается, что ее формирование (структурирование) зависит не только от внешнего влияния (факторы окружения, энергетические потоки), но может изменяться и без влияния извне. Изучение движений разных направлений и форм в такой предметной области стало общим направлением для ряда современных естественных и социальных наук. В связи с этим совершился переход от линейного и одномерного, присущего классической науке, рассмотрения изучаемого (сконструированного) объекта к нелинейному, многомерному.

Исследования нелинейных динамических процессов в математике и физике показали, что хаотическое поведение в системах с небольшим числом степеней свободы можно типологизировать. В последнее время это привело к формированию нового направления в нелинейной динамике и синергетике, ориентированного на решение проблем, связанных с возможностями предсказывать динамику

хаотических систем, управлять ею и подавлять хаос. В рамках социальных наук деконструкция метафизики модерна привела к выделению предметной области, характеризующейся неопределенностью состояний. Попытки ее репрезентировать породили ряд постмодернистских концептуализаций. Это идеи «гладкого пространства» и номадного движения, «тысячи поверхностей», ризомного движения (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «следа» и «письма» (Ж. Деррида) и т. п. В этих терминах удалось найти формы выражения тому, как порождаются образования, которые уже не хаотичны, но еще не упорядочены (их можно назвать протоморфами), и как от них можно логически перейти к идее структурирования. В рамках обоих классов наук стало возможным формулировать, а иногда и решать такие проблемы, как определение динамики соотношений между понятиями информации и энтропии, выявление скрытых или возможных связей между устойчивыми состояниями целостностей, поиск путей упорядочения стохастических событий, прогноз динамики нелинейных процессов и др.

Обращение к понятию самоорганизации в социальных науках. Анализ философских и социально-научных работ постмодернистской направленности позволяет в самом общем виде выделить предметную область социокультурной реальности, позволяющую изучать процессы самоорганизации. В ее пределах появляется возможность придать используемым здесь ключевым метафорам более операционализированный вид.

Прежде всего следует отметить особое внимание к понятию «социальность». Оно трактуется как: видовое антропологическое свойство (исходно принимается, что человек по природе — социальное существо); вынужденное (независимое от интенциональности) сосуществование индивидов в пределах вида; антропологическое свойство образовывать ассоциации различного масштаба с неодинаковой степенью устойчивости, с более сильными и слабыми внутренними связями реального и виртуального характера. При таких исходных допущениях социокультурная реальность рассматривается как поле возможностей для сохранения спонтанных и хаотичных ассоциаций и диссоциаций (напряжений и разрежений) в отношениях между людьми. Речь идет о совокупности неустойчивых неструктурированных образований, характеризующихся более сильными, чем в остальном окружении, связями (напряжениями); их можно назвать протоморфами. Устойчивость таких целостностей усиливается путем отбора извне и удержания элементов более слабых ассоциаций (напряжений). За счет этого повышается их внутренний потенциал. Структурирование

сформированных подобным образом единиц начинается за счет дифференциации сил, поддерживающих их выделенность из окружения. Они направлены на отбор ресурсов извне, на избавление от отходов, мешающих поддерживать тенденцию к упорядоченности, на поддержание границ в отношениях с окружением.

В идеально типическом смысле возникновение ассоциаций может рассматриваться как обусловленное совокупностью факторов, присутствующих в разных комбинациях: случайное скопление индивидов вида, устойчивость которого определяется либо возникновением общих интересов или задачи, либо внешним принуждением; взаимное тяготение индивидов, которые пытаются решить сходную проблему, но не могут этого сделать самостоятельно из-за недостаточности ресурсов; преднамеренный отбор индивидов определенным агентом, организующим их для решения собственной проблемы или поддержания целостности более высокого порядка.

Все эти процессы происходят в социокультурном пространстве, характеристики которого заранее определены в соответствии с известными формами и парадигмами социального взаимодействия.

При изучении социокультурной микродинамики вопрос о самоорганизации возникает тогда, когда внутри упорядоченной целостности (социокультурного образования — скопления, конгломерата, системы) или в ее отношениях с окружением появляется состояние неопределенности, сила воздействия которого на участников превышает порог терпимости. Поскольку в этих случаях динамику любого социокультурного образования приходится рассматривать с точки зрения изменчивости как целостности, так и ее компонентов, линейная логика в ее классическом варианте оказывается здесь неэффективной.

Иными словами, в неупорядоченном поле социокультурной реальности сохранение или структурное преобразование целостности следует описывать в терминах самоорганизации. Предполагается, что попытки группы людей преодолеть неопределенность подразумевают взаимное наложение процессов, происходящих как внутри объединения, так и между ним и какими-то областями и элементами окружения. При этом считается, что совместная активность людей не исчерпывается интенциональными и рациональными аспектами, но включает в себя контингентные, случайные и чаще всего неотрафлексированные реакции. В силу этого обращение к классическому детерминизму не поможет объяснить результаты совместной активности с точки зрения ее успешности или неудачи.

Синергетика и постмодернистские идеи в социальных науках. Следует еще раз подчер-

кнуть, что философия постмодерна во многом связана с изучением областей, отличающихся высокой степенью изменчивости. Вопросы их неупорядоченности и организации вписаны в контекст общих, абстрактных представлений о социокультурной реальности. С методологической точки зрения направления научного поиска в этих рамках сходно с современными тенденциями синергетических исследований по ряду ключевых признаков, среди которых:

- концептуализация понятий неопределенности, неупорядоченности, хаоса как порождающей среды для порядков, образующихся имманентно (Р. Барт, Ж. Бодрийяр), путем самоорганизации;

- исходное допущение об индетерминизме движения социокультурной реальности. В постмодернизме оно обосновывает фундаментальный статус случайных и контингентных событий, их непреднамеренных, эмерджентных последствий в разворачивании формирующихся здесь процессов (понятие «флуктуация» в синергетике);

- постмодернистские представления о ризомности (нелинейности в терминах синергетики) социокультурной динамики и события в его идиографической трактовке, предполагая возможность «развилки» (Ж. Деррида), «ветвления» (Ж. Делёз), меняющих направление социокультурных процессов близки синергетическому понятию бифуркации в процессах самоорганизации;

- постмодернистская концепция интертекста, предполагающая взаимодействие (интеракцию) в качестве необходимого условия порождения (самоорганизации, с точки зрения синергетики) культурных текстов как имеющих культурное содержание (Ю. Кристева, М. Риффатер, Ш. Гривель, Ж. Женетт) и подразумевающая имманентное наличие значений (смыслов) происходящих здесь событий, близка к синергетической идее аттрактивных зависимостей;

- в рамках постмодернистских теорий концепции гладкого пространства и номадов, а также трансгрессии во многом аналогичны концептуализации нелинейных процессов.

Из сказанного следует, что становление концепции самоорганизации и составляющих ее нелинейных процессов в современном познавательном пространстве можно считать заметной методологической тенденцией. Она параллельно реализуется в областях как естественных, так и социальных наук. Вследствие этого в современном социальном познании происходят парадигматические изменения следующего содержания:

- в отличие от классического исходного допущения о единстве и целостности социальных и культурных систем принимается представление не только об их типологическом различии, но и об их внутренней неоднородности;

- акцент в трактовке детерминации происходящих здесь процессов смещается от классической линейной каузальности в сторону нелинейной динамики;

- поиск универсальных «законов функционирования и развития» социальных и культурных систем сменяется повышенным вниманием к значимости единичных и уникальных событий, их эмерджентных последствий в контексте социокультурной микродинамики; это означает, что в дополнение к номотетическому методу познания актуализируется идиографический;

- с началом использования синергетической методологии классическое понимание пространства и времени как координат, в системе которых разворачиваются социальные и культурные процессы, изменилось: теперь эти категории трактуются как производные от разнокачественных взаимодействий и коммуникаций, их формирований и распадов.

Описание процесса самоорганизации.

Необходимая предпосылка осуществления самоорганизации состоит в том, что потоки ресурсов, поступающих в социокультурную единицу от внешних источников, диссипируются (заимствуются нуждающимися компонентами и распределяются между ними). С другой стороны, компоненты отдают часть своих ресурсов, которые оказываются избыточными, вовне. Вследствие относительной независимости таких потоков друг от друга и их взаимодействию (нерегулярному) единица приобретает возможность автономного по отношению к окружению образования внутренней структуры. Благодаря этому энтропия, служащая мерой неупорядоченности совместной активности людей, с течением времени может уменьшаться в силу антропологически необходимой организации внутренних и внешних отношений (так называемые открытые системы). Очевидно, что понятие «самоорганизация» не следует применять ко всем состояниям изучаемых социокультурных целостностей. Они имеют эвристическое значение в случаях, когда единицы начинают формироваться или переходят из одного характерологического состояния в другое (иными словами, в состояниях генезиса и перехода).

Что касается элементов потенциальной социокультурной целостности в этих условиях, то они характеризуются сложной внутренней структурой. Однако не все их компоненты проявляются во взаимодействиях, и с точки зрения образования единицы они функционируют как достаточно простые объекты с малым числом эффективных взаимосовместимых степеней свободы. В этом случае возможны относительно устойчивые образования, которые, притягивая к себе близкие по сходству элементы, т. е. благодаря действию механизма отбора, создают условия для порождения упорядоченных

структур. Такие протоморфные (еще не структурированные, но уже не хаотичные) единицы представляют собой скопления, составленные из дискретных элементов, локально взаимодействующих друг с другом, и с намечающимися границами существования. Их близость или дистанцированность с точки зрения взаимного притяжения или тенденции к поглощению, содержательной дополненности или близости позволяют говорить об их распределенности в образуемом ими пространстве, границы которого определяются большей устойчивостью образуемого ими скопления по отношению к изменчивости окружения.

Хотя разнообразие подобных социокультурных образований достаточно велико и пока логически не упорядочено, количество математических моделей, используемых в естествознании для описания процессов формирования такого рода структур, не столь значительно. В то же время в рамках социальных наук можно построить логическую схему движения от порядка к хаосу, принимая во внимание, что обе ориентации принимаются как врожденные антропологические свойства. С этой точки зрения предлагаются две идеально-типические последовательности.

Формирование порядка при изучении движения от неопределенности в отношениях людей с окружением к их упорядочению можно схематически представить следующим образом: выделение части поля для упорядоченности в соответствии с теорией формирования образа и гештальтистской концепцией «фон-фигура»; выделение аттракторов для структурирования пространства с использованием понятия когнитивных схем; структурирование пространства на основе концепции интеракции; фиксирование структурно-функционального порядка через понятия правил, норм и паттернов интеракции.

В этом случае можно использовать следующие методологические возможности. Для выделения поля активности — стохастическая модель определения ситуации совместной активности людей. Для выделения аттракторов — синергетическая концептуализация их определения. Для формирования структуры — модель структурирования динамической целостности (Гидденс) с учетом контингентности промежуточных квазипорядков. Для установившейся целостности — структурно-функциональный анализ.

Схему декомпозиции упорядоченной целостности можно рассматривать через следующие ее компоненты: порядок — исходное состояние, характеризующееся поддержанием структурно-функциональных связей; вариации — рационально неконтролируемая изменчивость совместной активности в рамках имеющейся структуры; де-

конструкция — рационально контролируемая «разборка» социокультурного целого на составляющие; деструкция — внерациональное разрушение структуры сложившихся отношений.

При изучении движения социокультурного целого от порядка к хаосу можно использовать следующие методологические возможности. Поддержанию состояния упорядоченности объекта соответствует структурно-функциональный метод с его детерминистской логикой. Вариативности соответствует изучение вероятностных процессов взаимодействий и коммуникаций, происходящих в структурно ограниченных пределах. Деконструкции — концепции функциональной автономизации участников совместной активности и контингентности событий, происходящих при контактах между ними. Деструкции — обращение к стохастическому анализу событий, происходящих при минимизации связей, ранее удерживавших целостность.

В обоих случаях целесообразно использовать проблемно-ситуативную логику. В первом случае речь идет о проблеме неподконтрольности людям изменчивости окружения, грозящей опасностью для них; во втором — о проблеме чрезмерной структурной жесткости в отношениях людей с окружением, не отвечающей его изменчивости.

Механизмы упорядочения. В рамках синергетической методологии решение соответствующих проблем предполагает обращение к параметру порядка, который был выделен для описания фазового перехода в термодинамике (Гинзбург – Ландау). Речь идет о том, что при «замедленной» динамике исследуемого объекта в качестве ее производной можно вывести стабильные колебания. Иными словами, амплитуду неустойчивости системы можно интерпретировать как пределы сохранения ее самоидентичности. Применительно к социокультурным единицам речь идет о том, что вариативные изменения в выполнении функций и отношениях между людьми не разрушают их ключевых структурных характеристик и условных границ.

Если в этом случае внутри системы обнаруживается хаотическая изменчивость (переходное состояние), то предполагается, что в рассматриваемом фазовом пространстве можно выделить относительно устойчивое образование, называемое странным (иногда говорят «хаотическим») аттрактором, к которому притягиваются проходящие вблизи от него траектории¹. В рамках социальных наук этому соответствуют состояния начального образования социокультурной единицы и переходов от одного ее закономерного (характерологического) состояния к другому. В этих случаях таким аттрактором становятся случайные или контингентные решения,

¹ См.: Рюэль Д., Такенс Ф. О природе турбулентности. М., 1981.

связанные с упорядочением ситуации. С точки зрения синергетики для хаотических динамических систем характерна высокая чувствительность к внешним воздействиям. Именно поэтому можно говорить, что при неопределенных состояниях социокультурных единиц такого рода решения заслуживают особого внимания.

Более того, доказано, что динамикой хаотических состояний систем можно управлять, т. е. посредством слабых воздействий переводить их из режима неупорядоченных колебаний в требуемый динамический режим. Для социокультурных единиц это означает, что при повышении степени функциональной автономности их составляющих и снижении их эффективности в переходных фазах даже необязательные и неоптимальные способы их консолидации могут стабилизировать совместную активность.

С точки зрения синергетики принято выделять два основных способа стабилизации: без обратной связи, или подавление хаоса, и с обратной связью, или контролирование хаоса. В рамках социальных образований первому из них соответствует применение силового давления одних участников на других, а второму — регулирование отношений между ними с помощью разделяемых норм. В этом случае ритмичность нормативно организованной совместной активности (ее рутинизация) способствует самоорганизации формирующихся или дезорганизующихся систем. Иными словами, этот процесс подразумевает последовательное сокращение степени независимой активности элементов внутри системы, что отражает порядок образования или реконструкции ее структуры.

В пределах социокультурных систем могут возникать проблемные ситуации, характеризующиеся высокой степенью неопределенности в функциональных и/или межличностных отношениях между участниками. В этих случаях поиск выхода из затруднений сопровождается повышением степени автономности индивидов или групп, пытающихся найти приемлемые для себя решения. Это повышает степень неопределенности внутри целостности. В то же время с точки зрения синергетики единичные усилия (малые флуктуации) могут привести к случайным или контингентным эффективным решениям. Речь идет о том, что находятся такие решения, которые одновременно соответствуют индивидуальным/групповым интересам и способствуют упорядочению состояния системы. Они могут значительным образом влиять на внутрисистемные отношения и изменять их за счет того, что участники совместной активности через механизмы подражания или эффективной коммуникации начинают следовать позитивному

образцу. В этом случае микрофлуктуации способствуют ревитализации структуры системы, т. е. при изучении состояния хаоса можно обнаружить конструктивные начала.

С точки зрения связей между отдельными элементами системы, которые отвечают и их интересам, и сохранению целого, следует обратиться к важному для синергетики понятию фрактала. Оно означает, что организация совместной активности фрагмента системы, образовавшегося в результате случайного или контингентного удачного решения хотя бы части проблемы, оказывается подобной социально приемлемой структуре целостности. Следовательно, изучение элементарных структур позволяет определить те из них, которые способствуют упорядочению системы, находящейся в неопределенном состоянии (образования, перехода или проблемной ситуации). Следует отметить, что наиболее сложные системы оказываются неустойчивыми по отношению к малым возмущениям. В этом случае хаос является деструктивным началом.

К современному пониманию детерминизма/индетерминизма. Образование такого предметного поля, связанного с процессами самоорганизации целостностей в условиях неопределенности, обусловило поиск логики их построения. В этой связи пересмотру подверглись представления о причинно-следственных связях. Дело в том, что на протяжении практически всей истории европейской философии и науки доминировала идея линейного детерминизма. Это относится равно и к креационистской, и к эволюционной концепциям человека, общества, культуры. В каждом случае речь шла об априорной совокупности предпосылок (причины), из которых разворачивались целостности с заранее заданными свойствами и направленностью движения к определенной цели. В рамках креационизма свойства объекта были предзаданы творцом, а направленностью была устремленность к предустановленной гармонии. Эволюция же предопределялась изначальным **гермом** — исходной единицей, все возможности разворачивания которой считались имманентными ей. Сам же эволюционный процесс рассматривался как движение от нерасчленной простоты к упорядоченной сложности.

Исходные допущения о единстве и целостности мира, а также о присущих ему Законах подразумевали в качестве следствия закономерную стадиальность движения любого социального объекта от причины к априорно заданной цели. Иными словами, такая позиция предполагала, что личность, общество, культура характеризуются имманентной и имплицитной логикой развития, последовательно осуществляющегося в поступательной смене этапов, каждый из которых детерминирован предыдущим и определяет характер последующего. На этом ба-

зировалась философская и научная рациональность классического типа, характерная и для социальных наук в контексте модерна. Применительно к ее сторонникам А. Н. Уайтхед отмечал свойственную им «непоколебимую веру в то, что в процессе изучения любое явление может быть совершенно определенным образом — путем специализации общих принципов — соотнесено с теми, что ему предшествовали... [соответственно] движущей силой научного исследования становится убеждение в том, что существует некая тайна и она может быть раскрыта»². Эта позиция в методологическом плане предполагала и оправдывала тотальный и линейный дедуктивизм.

Поскольку социальные науки изначально моделировались по образцу естественных, типы объектов, с которыми имели дело их представители, интерпретировались именно на таких основаниях. С переходом к неклассической науке, который совершился на начальной стадии модерна, эта парадигма начинает подвергаться сомнению. Сначала это произошло в физике. Еще А. Эйнштейн отмечал, что полнота дедуктивного доказательства охватывает достаточно ограниченную и простую предметную область, а «наиболее тонкое и сложное малодушно оставляется в стороне»³.

Переход к несистемному мировидению: нелинейный тип детерминизма. Модерн в философии и естественных науках ознаменовался радикальным сомнением в правомерности классической идеи линейного детерминизма и интересом к нелинейной концепции движения. С течением времени эта познавательная ориентация усиливалась, и к концу XX в. она оказалась в фокусе внимания представителей как естественных, так и социальных наук. На этой почве сформировалось исследовательское направление, сторонники которого отказались от презумпции порядка в пользу представления об изначальности хаоса. Как пишет И. Пригожин, «мы все более и более склонны думать, что фундаментальные законы природы описывают процессы, связанные со случайностью и необратимостью, в то время как законы, описывающие детерминистские и обратимые процессы, имеют лишь ограниченное применение»⁴.

Познавательная ситуация в социальных науках рубежа XX–XXI вв. изменилась в том же направлении. Так, О. Тоффлер оценивает «современную стадию ускорения социальных изменений» как характеризующуюся существенной нелинейностью динамики⁵.

² Whitehead A. N. *Science & the Modern World*. N. Y., 1967. P. 12.

³ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. 4. М., 1967. С. 40.

⁴ Пригожин И. Предисловие редактора английского издания // Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 8.

⁵ Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 16–17.

Основоположники синергетической методологии на Западе однозначно отождествляли понятие «детерминизм» с принудительной каузальностью (причинностью классического линейного типа). Поэтому в терминологическом отношении они отказываются от понятия «детерминизм» применительно к неупорядоченному движению и предлагают говорить об «индетерминизме»⁶. В то же время понятие приобретает иное, по сравнению с классическим, значение, поскольку необходимость идеи причинной обусловленности явлений и их динамики по-прежнему сохраняется.

Российские сторонники синергетики предложили расширенное толкование термина «детерминизм», в содержание которого включили представление о нелинейности причинно-следственных связей: это «детерминизм с пониманием неоднозначности будущего»⁷. В таком понимании идея принудительной каузальности, предполагающей наличие внешней причины и ее следствия как единственных, перестает абсолютизироваться. В соответствии с этим критерием проводится различие между синергетическими и кибернетическими объектами: процессы, происходящие в последних, регулируются посредством команд, исходящих из центра управления.

В рамках современной философии синергетическая методология предполагает рассмотрение процессов, происходящих в природе, обществе, культуре, как детерминированных не внешней причиной, но внутренним потенциалом самоорганизации. Иными словами, «материя (в широком смысле слова. — Э. О.) стала рассматриваться не как инертный объект, изменяющийся в результате внешних воздействий, а, наоборот, как объект, способный к самоорганизации... в отсутствие каких бы то ни было организующих факторов»⁸.

Соответственно формируется так называемая теория динамического (или детерминированного) хаоса, которая представляет собой один из разделов нелинейной динамики. К настоящему времени разработаны методы классификации состояний хаоса, найдены его динамические закономерности, созданы техники, позволяющие отличить (например, в эксперименте) хаос от белого шума, и т. д.

Постмодернистские трактовки социокультурных процессов. В рамках философии в период постмодерна также продолжилась деконструкция идеи линейного детерминизма, которая началась уже на ранней стадии модерна.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 34, 47.

⁷ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 14–20.

⁸ Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь: Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 279–280.

Критике подверглись ее фундаментальные основания, предполагающие первопричину происхождения мироздания, которому приписывались имманентные единство и целостность. Произошло смещение познавательного акцента к предметной области, которая характеризуется неупорядоченностью, плюральностью возможностей, подвижностью и соответственно нелинейностью причинно-следственных связей. Порождение явлений и процессов рассматривается в рамках постмодернизма как автохтонное и спонтанное, то есть, по определению Ж. Делёза, как «чистое и безмерное становление качеств изнутри»⁹.

Такие изменения парадигматического характера имели серьезные последствия для социальных наук. И в первую очередь это относится к области изучения культуры, которая вплоть до последнего времени трактуется в идеациональном ключе, когда выделяется ее наиболее подвижный символический уровень.

Пересмотр понятия детерминизма в рамках постмодернистской философии повлек за собой изменение трактовки закономерности. К динамической и статистической ее концептуализации было добавлено представление о случайной флуктуации (эмерджентности) как значимом факторе, влияющем на форму реализации процессов, происходящих в обществе и культуре. Иными словами, социокультурная реальность предстает в постмодернистском видении в двух модусах: а) как определенным образом упорядоченная целостность и б) как лишенная фундаментальных оснований стохастическая изменчивость.

Исходные допущения о социокультурной реальности в рамках модерна и постмодерна. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что метафизические допущения, сохранявшие познавательную значимость в период становления модерна как культурного стиля, сторонниками постмодерна подверглись пересмотру. Представления о социокультурной реальности прежде базировались на таких фундаментальных универсалиях, как: а) единство, целостность, непрерывность и закономерность (в классическом понимании) социокультурной реальности; б) единство социального (структурного, предполагающего упорядоченность связей между функциональными единицами) и культурного (содержательного, наполненного значениями в рамках целостности взаимодействий и коммуникаций и их результатов) ее измерений.

В пределах таких парадигматических оснований изучение общества и культуры было ориентировано на поиск устойчивого и повторяющегося, тождества (типичного), скрывающегося за кажущимся разнообразием социальных феноменов и артефактов.

В рамках постмодерна (постнеклассической философии) сформировался («постметафизический») стиль построения суждений — с акцентом на различие. Он характеризуется деконструкцией ряда ключевых метафизических позиций и заменой их другими.

Во-первых, происходит отказ от логоцентризма, т. е. от представления об исходной упорядоченности и рациональности общества и культуры, о наличии у социального действия изначального смысла (интенциональности), который последовательно разворачивается в процессы социальной и культурной эволюции, чья имманентная логика может быть реконструирована в ходе научных исследований. Вместо этого предлагается дополнить рационализм представлениями об иррациональности и внерациональности социальных и культурных феноменов. За любым социокультурным феноменом, иначе говоря, совсем не обязательно обнаруживается интенция и план, он может порождаться из неопределенности и спонтанным образом — из того, что Ж. Деррида называет «игрой случая».

Во-вторых, преодолевается жесткое противопоставление «материализма» и «идеализма». Социальные и культурные явления и процессы могут быть обусловлены как реальным оперированием физическими объектами и социальными связями, так и априорными планами совместной целенаправленной активности людей. А значит, поддержание и изменение социокультурных образований может зависеть от действия как «материальных», так и «идеациональных» факторов. В связи с этим сторонники постмодерна последовательно подвергли деконструкции базовые допущения метафизической онтологии и предложили исходить из иных начал, получивших название постметафизических. С точки зрения эпистемологии они характеризуются рядом парадигматических особенностей.

Представление о предзаданности форм социальных и культурных процессов, о наличии у них трансцендентных оснований подвергается радикальной критике за абсолютизацию объективизма. Поиск объективных (независимых от людей) принципов, определяющих направленность движения социокультурного бытия на якобы скрытую за ним глубинную сущностную цель, в социальных науках не имеет смысла. Изучать следует то, каким образом социокультурные процессы, их векторы, формы и значения порождаются в контекстах взаимодействий и коммуникаций людей. Согласно утверждению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, «поверхность — это местоположение смысла»¹⁰, и его определение людьми (включая исследователей), не требует обращения к идее метафизической глубинной сущности.

⁹ Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 198.

¹⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Мн., 1996. С. 9–31.

В соответствии с этим смысл и значение социокультурных процессов и явлений, считают сторонники постмодерна, не следует понимать как имманентный им и подлежащий выявлению. Они рассматриваются как результат произвольно реализуемых взаимодействий и коммуникаций. М. Фуко, например, утверждает, что за вещами обнаруживается не столько их сущностная и вневременная тайна, сколько композиции их составляющих, контингентным (необязательным) образом складывающиеся во времени их существования. При изучении любых организованных областей социокультурной реальности исследователю следует исходить из допущения не о подлежащем им предустановленном порядке, а о предшествующей неопределенности в отношениях людей с какими-то частями окружения («хаоса» или «руин», в лексиконе постмодернистов).

Таким образом, в программе постмодерна меняется представление о самой предметной области, которая сегодня заслуживает изучения в рамках социальных наук. Исследователь должен ориентироваться на усмотрение за любой предметностью принципиально неустранимого хаоса, изначально или производного от руинирования предыдущих порядков. Это означает неприятие идеи предустановленных целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности социокультурной реальности. Согласно идеям Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Б. Смарты, И. Хассана, современные люди живут в пространстве не связанных друг с другом объектов, явлений и событий, которые нельзя вновь собрать воедино. Беспорядок невозможно преодолеть ранее применявшимися способами: «Мы уже больше не верим в миф о существовании фрагментов, которые, подобно обломкам античных статуй, ждут последнего, кто подвернется, чтобы их заново склеить и воссоздать ту же самую цельность и целостность образа оригинала. Мы больше не верим в первичную целостность или конечную тотальность, ожидающую нас в будущем»¹¹.

В контексте постмодерна познавательный процесс ориентирован на иную предметную область, отличную от той, что постулировалась модерном. Проблемы познания более не трактуются как «открытие» объективных Законов существования человека, общества и культуры, глубинного смысла бытия априорно заданных объектов изучения. Продвижение исследователя от наблюдения социальных

и культурных явлений и процессов к объяснению их происхождения, поддержания изменения и окончания строится как анализ социальных взаимодействий и коммуникаций, обуславливающих их упорядоченное состояние и нелинейную динамику.

Итак, в философии постмодерна меняются исходные основания метафизической познавательной парадигмы. Характерные для последней идеи единства и целостности социокультурной реальности, общности и универсальности Законов их сохранения вытесняются представлениями о принципиальной плюральности, нелинейной динамичности предметной области социокультурного познания. Традиционный для социальных наук модерна концептуальный ряд «объект (социальные/культурные системы) — феномен (их состояния) — ноумен (их обозначение)» предполагал «объективность» первых двух составляющих и «субъективность» третьей, при этом «объективное» наделялось приоритетной значимостью (реальность!) по отношению к эпифеноменальности «субъективного» (всего лишь представления). Исходные допущения постмодерна очерчивают предметную область социального познания таким образом, что эти категории если не элиминируются, то становятся ситуативно взаимозаменяемыми.

В таком эпистемологическом пространстве, по словам Ж. Бодрийяра, исчезает различие между симуляцией и реальным. На уровне культуры, понимаемой в идеациональном смысле, исследователь изначально имеет дело с множественностью разнообразных культурных текстов и их интерпретаций («хаосом»), каждая из которых остается ситуативно «поверхностной» (в смысле Ж. Делёза и Ф. Гваттари) и ситуативно произвольной. Смысл феноменов для людей рассматривается как симуляция уже не «объектов», а значений, а познание — процессом герменевтического прочтения изучаемых культурных текстов.

Идиографический и номотетический методы в современных социальных науках. В таком концептуальном контексте в рамках современных социальных наук используются принципы как гуманитарного, так и социально-научного познания. Первые относятся к исследовательским ситуациям, при которых для постановки проблемы и ее решения научного инструментария не хватает или он отсутствует. В этом случае обычно обращаются к плодотворным метафорам, показательным аналогиям, которые помогают ограничить предметную область изучения и выделить реперные точки для ее упорядочения. Вторые оказываются полезными в ситуациях, когда предметная область определена и задача заключается в том, чтобы выделить в ее рамках закономерности формирования, поддержания и изменения соответствующих типичных

¹¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990. Цит. по: Можейко М. А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления: Сб. науч. трудов. Мн., 2005.

объектов. В этой ситуации концепции нелинейных динамик позволяют дополнить номотетический метод социальнонаучного познания идиографическим. Первый связан с использованием для решения исследовательских задач общих статических и динамических закономерностей, относящихся к обществу и культуре. Второй характеризуется обращением к единичным событиям, которые могут быть описаны метафорами и аналогиями, когда речь идет о проблемах, неразрешимых с помощью существующих теорий.

Так, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что «не существует универсального закона, из которого можно было бы вывести заключение относительно всех без исключения систем» с высокой степенью неравновесности. Каждая из них «требует особого рассмотрения... Поведение ее может быть качественно отличным от поведения других систем»¹². Для таких случаев вводится специальное понятие «локальное событие», «сингулярное событие»¹³, подчеркивающее его уникальность, невозможность подвести под известные закономерности. Это следует учитывать при синергетическом анализе начальной стадии процессов, которые приводят к пространственной организации исходно неупорядоченного поля активности или неопределенного состояния социокультурной единицы. Согласно Ф. Джеймисону, В. Вельшу и др., в этих случаях целесообразно обратиться к концептуализации социокультурной реальности как хаотичной и разнородной, изначально плюралистичной¹⁴. Что касается социокультурной целостности, то она в методологическом смысле представляет собой своего рода идеальный тип системы, где переходы от одного фазового состояния к другому порождают состояния неопределенности как внутри нее, так и в ее отношениях с окружением. В этих исследовательских ситуациях переход от стохастического движения к структурированию не может быть описан универсальным для всех без исключения систем законом, предполагается, однако, что здесь необходимо обращаться к понятиям случайности, контингентности, эмерджентности.

С позиции синергетики поиски единой теории бытия (в том числе социокультурного), выраженной в совокупности общих законов, есть не более чем «иллюзия универсального»¹⁵. Соответственно устанавливаются границы применимости самого понятия

закона. Если «законы равновесия... универсальны» и «обладают высокой общностью» (т. е. в равновесных условиях «поведению материи... свойственна повторяемость»), — пишут И. Пригожина и И. Стенгерс, — то «вдали от равновесия начинают действовать различные механизмы, соответствующие возможности возникновения... структур различных типов»¹⁶. Это означает, что в естественных и социальных науках применительно к макро- и микроуровням исследования концепция «объективной реальности, из которой следовала необходимость отказа от новизны и многообразия во имя вечных и неизменных универсальных законов»¹⁷, становится неприемлемой. Из этого следует невозможность «априорного суждения о том, чем является рациональное описание ситуации», характеризующейся сингулярностью, и необходимость выводить из того, что происходит в ее рамках, «как мы можем ее описать»¹⁸. Следовательно, синергетический способ фиксации изменчивости, основанной на индивидуальных событиях и реализующейся в ситуативных режимах, предполагает «нарративный» способ репрезентации. Как пишет И. Пригожин, «логика описания процессов, далеких от равновесия, — это уже не логика баланса, а повествовательная логика (если... то...)»¹⁹.

Очевидно, что такая методологическая ориентация позволяет связать синергетику с идиографической позицией, характерной для философии постмодерна. Здесь повышенное внимание к индивидуальным событиям, конституирующим социокультурные процессы (в первую очередь исторические) предполагает их представленность в форме повествования. Эта направленность, характерная для гуманитарного способа познания, не только выражена в конкретных моделях изучения нелинейной динамики, используемых применительно к естествонаучному или социокультурному материалу, но и рефлексивно осмыслена в рамках синергетики. Так, в работе И. Пригожина «Философия нестабильности» есть специальный раздел («Повествования в науке»), где отмечается, что «современная наука в целом становится все более нарративной»²⁰.

Концепции контингентности и случайности в представлениях о самоорганизации. Для естествознания обращение к идее нелинейной динамики началось вместе со становлением неклассической науки (от квантовой механики до теории катастроф). Однако в рамках философского и научного познания человека, общества и культуры она возникла значительно раньше. В первую очередь это относится к эволюционистскому и истори-

¹² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 200.

¹³ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 11; Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995.

¹⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Мн., 1996. С. 118–137; Welsh W. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim St. Albans, 1987. S. 63.

¹⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 378

¹⁸ Пригожин И. Переоткрытие времени. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Пригожин И. Философия нестабильности. С. 52.

ко-культурному познавательным направлениям. Так, в пределах классического эволюционизма внимание фиксировалось на многолинейности процесса не только на уровне философии (например, «творческая эволюция» А. Бергсона), но и в зарождающихся социальных науках (например, нелинейность эволюции у Э. Б. Тайлора и Л. Г. Моргана). Кроме того, концепция «естественного отбора» подразумевала контингентный и случайный характер культурных черт, которые в дальнейшем удерживались в контексте социокультурной реальности как компоненты формирования устойчивых образований.

Эти представления присутствовали в изучении человека, общества и культуры параллельно с идеями классического детерминизма, где случайности не придавали существенного онтологического и методологического значения. В рамках социокультурных исследований, характерных для раннего модерна, может быть выделено познавательное направление, где случайные события были специальным предметом изучения (об этом, например, свидетельствует широкое использование статистических методов в социологии). В период постмодерна концепции случайности и контингентности стали предметом пристального внимания как в философии, так и в социальных науках, особенно в их когнитивистской ветви. Именно эта аналитическая область стала рассматриваться как источник представлений о конструировании и деконструкции единиц социокультурной реальности.

При идиографическом рассмотрении самоорганизации в неопределенных и проблемных ситуациях оказывается необходимым обращаться не к универсальным социальным законам, но к факторам и детерминантам совместной активности в конкретном типе ситуаций. На это в период раннего постмодерна указывал еще М. Мерло-Понти. Позже в рамках постмодернистской философии этот познавательный акцент усиливается и, согласно В. Лейчу, в центр внимания помещаются «случайности, а не универсальные правила... различия, а не тождественности»²¹.

Применительно к изучению неопределенности ситуаций совместной активности людей и их окружения идиографический метод, акцентируемый в рамках постмодерна, по словам Ж.-Ф. Лиотара, подчеркивает доминирование Я над Мы²² в попытках их упорядочения. Однако в контексте социокультурных исследований это Я, будучи в принципе единичным, несет в себе то, что Р. Шведер называет идиоверсией культуры. В рамках совместной активности, связанной с преодолением

неопределенности, с идеально-типической точки зрения, согласно Ж. Делёзу, «каждая личность — это единственный член своего класса»²³, т. е. уникальный источник предлагаемого решения. Таким образом, наиболее операциональным методологическим средством для изучения порождения социальных практик сторонники постмодерна считают концепт индивидуализации.

Собственно, интерес к несистемным, неопределенным, хаотичным характеристикам социокультурной реальности и побуждает их отказаться от абсолютизации универсального в познании. Обращение к индивидуальности обеспечивает методологическое средство описания предметной области порождения «порядка из хаоса», а идея естественного отбора позволяет концептуализировать трансформацию единичного решения в культурный паттерн. В то же время деуниверсализация может пониматься и как инструмент деконструкции культурных стандартов, стереотипов, массовых представлений и связываться с ориентацией на инновации. В этих случаях она может быть интерпретирована и как автономизация индивидуальной активности от общепринятых норм — познавательных, юридических, моральных. Именно в ситуациях неопределенности релевантным становится представление о свободе индивидуальности как независимости от социальных идентификаций. Возможность независимости индивида от коллективных норм позволяет ему, используя стратегии поиска и риска, конструировать образцы новой упорядоченности связей с окружением в контексте их неопределенности. Иными словами, отказ от априорной номотетики в постмодернистской трактовке индивида, попавшего в ситуацию неопределенности, означает нецелесообразность использования общих понятий (например, массы, толпы и т. п.). Они не фиксируют подлинного агента упорядочивающих действий, который во многих случаях индивидуален²⁴.

При методологическом преимуществе Я над Мы в подобных познавательных ситуациях такое понимание деунификации открывает познавательное пространство, которое характеризуется отсутствием норм и правил совместного существования людей. По отношению к нему нерелевантны такие априорно оценочные понятия, как индивидуализм, эгоизм, моральный волонтаризм и анархизм. Этот аналитический конструкт репрезентирует поле, где можно представить себе, как из случайных взаимодействий его компонентов формируются единицы и удерживающие их структурные составляющие, принимающие форму правил и норм совместного существования людей. Это же утверждают и класси-

²¹ Leitch V. Deconstructive Criticism: an Advanced Introduction. L., 1983. P. 143.

²² См.: Lyotard J.-F. The Postmodern Explained. Correspondence 1982–1985. Minneapolis; London, 1993. P. 26.

²³ Делёз Ж. Логика смысла. С. 146.

²⁴ См.: Baudrillard J. Mirror of Production // Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge, 1996.

ки синергетики, обращаясь к концепции нелинейности, когда говорят о новых нормативных (этических) отношениях «между человеком и природой и между человеком и человеком»²⁵.

Следует еще раз подчеркнуть, что применительно к ситуациям неопределенности актуализация значимости единичного и уникального события имеет особое значение. В этих случаях идиографическая программа постмодерна выполняет важные эпистемологические и методологические функции. Гносеологическое требование обращения к специфичным особенностям ситуации и единичным характеристикам участников открывает в социальных науках познавательное пространство для определения контингентных источников ее упорядочения (аттракторов).

Нелинейность выбора пути в ситуации неопределенности. Версия нелинейного моделирования социокультурных процессов в условиях неопределенности представлена в рамках постмодерна не на микродинамическом уровне, но в рамках философии истории. Так, метафора движения номадов в гладком пространстве, согласно Ж. Делёзу, предполагает, что социально значимые события (точки бифуркации) представляют собой место порождения множества равновозможных, но аналитически несовместимых направлений движения социокультурных процессов. Актуализация одной из них («естественный отбор») осуществляется случайным или контингентным образом. С точки зрения нелинейных концепций Ж. Делёза и М. Фуко, случайное разветвление соответствует ситуации деструкции процессуальной целостности, «разветвление случая» возможно при его деконструкции, когда своеобразным аттрактором новой упорядоченности становятся какие-то его составляющие²⁶.

Такого рода представления вполне уместны при изучении не только (и не столько) исторических процессов, но и социокультурной микродинамики. Современные сегодняшнему исследователю события и их последствия доступны наблюдению, и можно определить, является ли поворот прежнего вектора движения в том или ином направлении случайным, контингентным или детерминированным преднамеренным действием конкретных социальных сил.

Стремление сторонников постмодерна и синергетики описать социокультурную реальность как порождающую самоорганизацию (внеинтенциональное упорядочение хаоса) привело так называемую постнеклассическую методологию не только к представлению о нелинейном детерминизме. Выделение

новой предметной области благодаря идеям философии постмодерна и синергетики потребовало поиска новых исходных допущений, с одной стороны, и возможностей их соотнесения с теми, что позволяли говорить об априорных порядках — с другой, а также изменения стиля построения суждений. Это относится, прежде всего, к изучению процессов, происходящих в тех областях современного социокультурного пространства, для которых характерно состояние акционистской и познавательной неопределенности. Сосуществуют по крайней мере две позиции наблюдателя, позволяющие описывать социокультурную реальность. Первая предполагает ее рассмотрение в качестве нерасчлененного поля, из которого путем самоорганизации образуются социокультурные целостности. Их компоненты дифференцируются и приобретают значения в ходе этого процесса. Вторая подразумевает обращение к разнородным, но образующим определенные целостности элементам, функции и значения которых заранее известны.

В этом контексте, по-видимому, складывается новая парадигма социально-научного познания. В ее рамках при изучении социокультурной реальности должны сочетаться идеи внешней (причиняющей) каузальности и принципы самоорганизации, аксиологического индетерминизма и организующей значимости ценностных ориентаций, структурности и процессуальности. Акцентирование в рамках постмодерна значимости идиографического метода приводит к необходимости выделять познавательные ситуации, где он имеет существенные преимущества по сравнению с номотетическим, где релевантным оказывается именно последний, а где следует искать возможности их логического сочетания. Следует понимать, иначе говоря, в каких случаях уместно обращаться к идее индивидуального произвола, а в каких подчинять его установленным социокультурным нормам.

В заключение следует подчеркнуть, что новая социально-научная познавательная парадигма находится в стадии становления. Соответственно, существует ряд параллельных исходных допущений и понятийных рядов, предназначенных для решения принципиально разных классов исследовательских задач: с одной стороны, сохраняет актуальность проблема поддержания функциональных социокультурных целостностей (систем) в условиях меняющегося окружения, с другой — существует необходимость в описании и объяснении порождения таких единиц и процессов, происходящих при смене фазовых состояний их существования. Такие поиски выходят за рамки прежней исследовательской традиции изучения социокультурного объекта как системы, чаще всего и преимущественно гомеостатической.

Пока применительно к социальным наукам недостаточно четко интерпретированы процессы са-

²⁵ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 286.

²⁶ См.: Делёз Ж. Логика смысла. С. 82; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 33.

моорганизации. Представление о ризомном движении остается метафорическим и неоперационализированным, хотя его использование для описания социального взаимодействия представляется плодотворным. Приоритетное внимание в рамках постмодерна к процедурам порождения значений в дискурсивных практиках письма и чтения указывает на необходимость эксплицитного различения процессов социального взаимодействия и коммуникации. Кроме того, проблемой становится трактовка самоорганизации культурных текстов. Концепции самоорганизации исторического процесса оказываются эвристичными для изучения социокультурной микродинамики. «Генеалогия» М. Фуко может быть использована для изучения нелинейных процессов порождения самоорганизации взаимодействий и коммуникаций в условиях неопределенности. Представления о полицентризме позволяют подойти к концептуализации плюральности социокультурного пространства.

Итак, постмодернистские представления о социокультурной реальности во многом могут быть выражены с помощью синергетического понятийного аппарата. Это важно, поскольку метафорическая терминология, используемая постмодернистами, нуждается в операционализации и хотя бы логической формализации. В таком случае имеющиеся теоретические представления, безусловно эвристичные в познавательном отношении, могут стать инструментами социокультурных исследований.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Использование синергетического метода в изучении общества и культуры позволяет рассматривать их не в статичном состоянии, но выявлять нелинейные динамические тенденции и анализировать последствия происходящих здесь событий. К нему целесообразно обращаться, когда рассматриваются начальное формирование системы, ее переходы от одной стадии существования к другой и функционирование в проблемных ситуациях. В этих случаях ее состояния характеризуются высокой степенью неопределенности (называемой в синергетике хаосом).

2. В зависимости от степени устойчивости системы возникновение хаоса будет иметь разные последствия

для ее существования. При неустойчивом состоянии можно ожидать тенденций к согласованию взаимодействий и коммуникаций между составляющими (группами, индивидами), т. е. к самоорганизации, упорядочиванию структуры целостности. В сложноорганизованных упорядоченных системах, близких к равновесию, можно ожидать возникновения эффекта бифуркации.

3. Понятие «бифуркация» занимает в синергетическом анализе важное место. Оно указывает на периодически возникающее критическое состояние системы, при котором даже малая флуктуация может повлечь ее структурную перестройку. В этом случае она утрачивает динамический вектор упорядоченных взаимодействий и коммуникаций между компонентами. Любые случайные или контингентные решения возникшей проблемы могут вызвать либо упорядоченность структуры, либо хаос. Бифуркации в рамках синергетики считаются неизбежными, а хаос (посредством флуктуаций), как было отмечено выше, может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия для системы.

4. Формирующиеся образования оказываются не всегда благоприятными либо для поддержания устойчивых социокультурных целостностей (систем), либо для удовлетворения индивидуальных запросов, либо одновременно для того и для другого.

Синергетический метод определяет новую по сравнению с характерной для науки периода модерна позицию в изучении формирования и динамики систем. В сочетании с идеями постмодерна он открывает широкие возможности для изучения социокультурных процессов, в том числе для использования нового математического инструментария применительно к ним. Соответственно расширяется спектр возможностей для прогнозирования их возникновения, поддержания, изменения и завершения. Однако следует принимать во внимание, что синергетика в естественных науках мало связывается с философией постмодерна, где переосмысливаются прежние представления об обществе и культуре. И хотя оба познавательных направления находятся в процессе становления, между ними уже сейчас обнаруживается существенное сходство. Необходимо их дальнейшее сближение, которое можно с уверенностью считать плодотворным для обеих.

Список литературы:

1. Баблюянец А. Молекулы, динамика и жизнь: Введение в самоорганизацию материи. М., 1990.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // *Философия эпохи постмодерна*. Мн., 1996.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // *Философия эпохи постмодерна*. Мн., 1996.
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопросы философии*. 1992. № 12.
7. Можейко М. А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // *Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления*: Сб. науч. трудов Мн.: Технопринт, 2005.
8. Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 8.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
11. Рюэль Д., Такенс Ф. О природе турбулентности. М., 1981.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
13. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. 4. М., 1967.
14. Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge, 1996.
15. Leitch V. Deconstructive Criticism: an Advanced Introduction. London, 1983.
16. Lyotard J.-F. The Postmodern Explained. Correspondence 1982–1985. Minneapolis; London, 1993.
17. Welsh W. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim St. Albans, 1987.
18. Whitehead A. N. Science & the Modern World. N. Y., 1967.

References (transliteration):

1. Babloyants A. Molekuly, dinamika i zhizn': Vvedenie v samoorganizatsiyu materii. M., 1990.
2. Delez Zh. Logika smysla. M. 1995.
3. Delez Zh., Gvattari F. Kapitalizm i shizofreniya: Anti-Edip. M., 1990.
4. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma // *Filosofiya epokhi postmoderna*. Mn., 1996.
5. Dzheimison F. Postmodernizm, ili logika kul'tury pozdnego kapitalizma // *Filosofiya epokhi postmoderna*. Mn., 1996.
6. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I. Prigozhinym // *Voprosy filosofii*. 1992. № 12.
7. Mozheyko M. A. Ot «etiki kodeksa» k «etike tvorchestva»: transformatsiya npravstvennogo soznaniya v sovremennoy kul'ture // *Tvorcheskoe nasledie sem'i Rerikh v dialoge kul'tur: filosofskie aspekty osmysleniya*: Sb. nauch. trudov Mn.: Tekhnoprint, 2005.
8. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni // *Voprosy filosofii*. 1989. № 8.
9. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti // *Voprosy filosofii*. 1991. № 6.
10. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy. M., 1986.
11. Ryuel' D., Takens F. O prirode turbulentnosti. M., 1981.
12. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu. SPb., 1997.
13. Eynshhteyn A. Motivy nauchnogo issledovaniya // Eynshhteyn A. Sobr. nauch. trudov. T. 4. M., 1967.
14. Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge, 1996.
15. Leitch V. Deconstructive Criticism: an Advanced Introduction. London, 1983.
16. Lyotard J.-F. The Postmodern Explained. Correspondence 1982–1985. Minneapolis; London, 1993.
17. Welsh W. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim St. Albans, 1987.
18. Whitehead A. N. Science & the Modern World. N. Y., 1967.